

© 2008 г.

Б.Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

О НОВОМ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Характерной чертой современной историографической ситуации является возрастание интереса к теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Провозглашенный в манифесте обновленных "Анналов" призыв "заново сдавать карты"¹ знаменовал новый виток методологических поисков в области исторического познания. Методологическая рефлексия захватывает и такую страну, как Англия, о чем свидетельствует публикация университетских лекционных курсов, вводящих студентов в "мастерскую историка", которые основаны на обширном историографическом материале. Они отражают возрастающий на Западе интерес к теории и методологии истории². Что же говорить о России с ее методологической культурой и интересом к теоретико-методологической проблематике! Этот интерес обретает новое качество в последние годы, когда исследование теоретико-методологических проблем исторической науки тесно увязывается с их включением в учебный процесс³.

Среди таких работ заметное место заняло учебное пособие Н.И. Смоленского "Теория и методология истории"⁴. Его автор обращается к методологии истории как к предмету своих научных и педагогических занятий. Ученик известного советского историка А.И. Данилова, Н.И. Смоленский сумел сохранить верность "духу" своего учителя. Он не пошел за вчерашними "верными ленинцами", с усердием неофитов ниспровергавшими марксизм, но не остался и с теми, кто не желал "поступаться принципами".

Предстояла трудная работа по трансформации отечественной историографии в соответствии с радикально изменившимися социальными и научными реалиями, важнейшим аспектом которой стало ее методологическое перевооружение. Поучительный опыт такого перевооружения демонстрируют опубликованные в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов труды академика И.Д. Ковальченко, сформулировавшие развернутую программу теоретико-методологического обновления нашей науки на плюралистической основе. Особо акцентировалась преемственность в развитии отечественной историографии на всех ее структурных уровнях, в том числе теоретико-методологическом.

Могильницкий Борис Георгиевич – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета.

¹ См. редакционные статьи обновленных "Анналов": "История и социальные науки: поворотный момент?" (1988), "Попробуем поставить опыт" (1989). – *Анналы на рубеже веков. Антология*. М., 2002

² Некоторые из них переведены на русский язык. См., например: *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

³ См. *Румянцев М.Ф.* Теория истории. Учебное пособие. М., 2002; *Блосфельд Е.Г.* Введение в историю. Учебное пособие. Волгоград, 2003; *Селунская Н.Б.* Проблемы методологии истории. Учебное пособие. М., 2003; *Мининков Н.А.* Методология истории. Пособие для начинающего исследователя. Ростов-на-Дону, 2004; *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. Пособие для вузов. М., 2004; *Бочаров А.В.* Основные методы исторического исследования. Учебное пособие. Томск, 2006, и др.

⁴ *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007.

При этом обосновывалось значение марксистской исторической теории и методологии⁵.

В намеченном И.Д. Ковальченко русле развиваются методологические исследования и педагогическая деятельность Н.И. Смоленского, одной из вех которых явилась рассматриваемая книга, высвечивающая научную позицию ее автора. Он указывает на "ядро истины" в марксизме как на свое методологическое кредо, а воспитание историей относит к числу важных социальных функций нашей дисциплины. Однако он не просто констатирует это достаточно очевидное положение, а сосредоточивается на существующих здесь проблемах. "Прежде всего, – пишет Н.И. Смоленский, – они связаны с несовпадением общества и государства, Отечества и власти. Это несовпадение сопровождает развитие истории на всем ее протяжении с момента возникновения государства"⁶. Подчеркивая то, что "базовые, фундаментальные ценности гражданственности и патриотизма заключены в Отечестве", он делает умозаключение, имеющее существенное методологическое значение. Воспитание историей, пишет Н.И. Смоленский, опирается в этом случае на все прошлое, а не на те лишь пласты, которые так или иначе согласуются с конкретной государственной политической системой. В этой ситуации прошлое становится источником согласия возможно более широких слоев населения, тогда как избирательный подход к нему порождает разрыв связи времен, становится водоразделом между поколениями и социальными прослойками в обществе. Такая избирательность мотивирована, она обусловлена приоритетом политических ценностей и интересов в обществе. Однако именно в критические для судеб Отечества часы на передний план выдвигались патриотические обстоятельства. Таков, по убеждению автора, один из уроков прошлого России⁷.

Столь же поучительным представляется и другой урок, который Н.И. Смоленский уже не ограничивает только российским прошлым. "Фундаментальной основой воспитания историей, – формулирует его автор, – является опора на качественное своеобразие явлений и общественной среды, которое неотделимо от их природы и сущности. Гражданская, патриотическая позиция, как и национальная принадлежность, заключает в себе все то, что отличает историческое прошлое и реальное бытие одного народа от другого"⁸. Правда, добавляет он, патриотическая позиция предполагает еще и активность, выражающуюся в форме деятельной любви к Отечеству, стремлении принести ему конкретную пользу. Эти мысли получают в книге обоснование, которое венчает вывод: "Значимость прошлого выше различий в сфере идеологии"⁹.

Методологическое кредо автора реализуется на страницах книги. Сразу же заметим, что по своему жанру она выходит далеко за рамки учебного пособия, будучи одновременно и научным исследованием. В этом ее очевидное достоинство, поскольку таким образом в учебный процесс привносится исследовательская практика автора, отражающая круг его научных интересов. Об их широте дает представление структура книги. Насчитывающая 20 глав, содержащих обсуждение таких проблем, как предмет истории, научно-историческое и художественное отображение действительности, историческое и естественно-научное познание, социальные функции исторической науки, историческая необходимость, детерминизм в истории, принцип историзма, объективность исторического познания, язык историка и др., она соединяет их с характеристикой основных методов исторического исследования. Тем самым достигается целостное рассмотрение теории и методологии истории.

Известное исключение представляет небольшая глава "Проблема смысла и цели истории", входящая в раздел "Основные методологические проблемы и принципы". Здесь рассматривается философская проблема, которая по сути своей вообще не подлежит

⁵ Об этом см. *Могильницкий Б.Г.* Академик РАН И.Д. Ковальченко как методолог истории (к 80-летию со дня рождения). – *Отечественная история*, 2003, № 6.

⁶ *Смоленский Н.И.* Указ. соч., с. 46.

⁷ Там же, с. 47.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 50.

ведению методологии истории, занимающейся изучением природы, принципов и методов исторического исследования, но отнюдь не прорицанием смысла и цели истории, носящим по большей части спекулятивный и идеологизированный характер. Как яркий пример такой идеологической спекуляции, построенной на либеральной модели общественного развития, Н.И. Смоленский приводит нашумевшую в свое время статью американского политолога Ф. Фукуямы, провозглашавшую "конец истории". Н.И. Смоленский справедливо пишет, что "идеология, которая хочет себя увековечить, прибегает к уловке финализма, но...конечной стадии истории как ее цели не существует, поскольку также не может быть и некоего окончательного, завершенного видения ее целостности и смысла". Тем не менее он настаивает на существовании смысла в истории, усматривая его "не в ее движении к некоторой цели, а характере направленности логики общемирового развития". К тому же наряду с общим смыслом истории "каждая эпоха имеет свой особый смысл". Так, "общая направленность развития современного мира заключается в тенденции к социализации"¹⁰.

Далее это положение получает конкретно-историческое обоснование. Но возникает вопрос, насколько правомерно отождествление таких разнокачественных понятий, как "смысл истории" и "тенденции общественного развития"? В книге идет речь, по существу, о последних. Выявление их действительно помогает обнаружить в, казалось бы, хаотичном мелькании событий и взаимоисключающих друг друга явлений некоторые закономерности, характеризующие облик современного мира, но никак не претендующие на прояснение смысла истории. Не будем вдаваться в рассуждения, в чем он состоит и есть ли он вообще. Это не задача историка. Собственно, и сам Н.И. Смоленский сосредоточивается на одной конкретно-исторической тенденции, оговариваясь, что имеются и другие, "а какая тенденция победит, станет ведущей и когда это произойдет – покажет время"¹¹.

Уходя от соблазна лаконичной дефиниции методологии истории как дисциплины, изучающей методы исторического исследования, он формулирует развернутое определение, включающее все ее грани. "Методология истории, – пишет Н.И. Смоленский, – является теоретическим выражением практики конкретно-исторического исследования в виде методов, принципов, научно-исторических понятий и т.д. Обобщая практику исследовательской работы историка, методология дает возможность осмысленно относиться к познанию, вырабатывать и сознательно применять приемы, процедуры, способы, теоретические принципы анализа общих и частных конкретно-исторических проблем". Особо отметим следующую мысль автора: "Методология не содержит в готовом виде ответ на любую из таких проблем, но она учит их решать, является его основой"¹².

Во всей системе авторских рассуждений о природе методологии истории ключевым является положение о влиянии на развитие жизни общественной практики, вследствие чего в трансформации методологических принципов всегда имеют место как разрывы с прежними представлениями, так и, одновременно, преемственность. Это положение предостерегает против иллюзии о возможности существования некоей единой для всех методологии истории, релятивизируя само понятие ее предмета.

В этом ракурсе и обсуждается проблематика учебного пособия. Сошлемся на освещение такой методологической категории, как объективность исторического познания. "Объективность, – пишет автор, – значит научность, истинность; требование достижения истинного знания – одно из важнейших в области науки, без истинности науки не бывает"¹³. При этом он ссылается на убеждение И.Д. Ковальченко в том, что изучение прошлого "направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход".

Вместе с тем Н.И. Смоленский приводит и другие, отличные от этого убеждения, взгляды: историк должен "стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достичь – заблуж-

¹⁰ Там же, с. 211.

¹¹ Там же, с. 214.

¹² Там же, с. 4.

¹³ Там же, с. 160.

дение" (В.А. Тишков); "всякая историческая реконструкция (восстановление прошлого) есть не что иное, как определенная конструкция видения мира, относительно которой историки достигли определенного консенсуса. Сама постановка вопроса об объективности исторических знаний некорректна" (А.Я. Гуревич); "проблема объективности и субъективности исторического познания не совпадает с вопросами, связанными с его адекватностью, предполагающей различие факта науки и факта действительности" (К.В. Хвостова, В.К. Финн).

Таким образом, студентам предлагается целый спектр мнений о природе исторического познания. Примечателен подход Н.И. Смоленского к этой коллизии, сопутствующей историописанию едва ли не со времени его возникновения. Автор в равной мере далек как от роли пассивного регистратора разных точек зрения на проблему объективности исторического познания, так и от огульного отрицания неприемлемых для него взглядов. Эта проблема вписана им в широкий историографический контекст, благодаря чему она убедительно позиционируется не как смена не связанных между собой конкурирующих интерпретаций, а как познавательный процесс, существенной характеристикой которого является поступательное развитие историко-эпистемологических представлений.

Особое внимание Н.И. Смоленского привлекает проблема соотношения в познавательном процессе его объективной и субъективной сторон, преломляющаяся в социальной обусловленности исторического познания. На большом историографическом материале он показывает прогрессирующее осознание неустранимости влияния на историка окружающей его общественной среды, особо останавливаясь на освещении роли в этом процессе немецких, прежде всего малогерманских, историков.

Такая историческая ретроспектива позволяет понять современные представления об объективности исторического познания. В формулировке Н.И. Смоленского они означают: "а) признание присутствия личностно и социально обусловленной позиции исследователя, что предполагает только один путь к достижению истины – через позицию историка; б) отрицание монополии на истину любой позиции – социального, теоретического и иного свойства; в) отрицание безбрежного плюрализма с его тезисом о равноценности любых представлений о событиях и отвечающих требованию адекватности в рамках избранных предпосылок познания"¹⁴.

Так достигается взвешенное, интегрирующее различные методологические позиции понимание природы исторического познания. С одной стороны, оно включает в себя признание неизбежности эпистемологического релятивизма, с другой – акцентирует возможность получения истинного знания, содержание которого, однако, не является результатом компромисса между историками разных направлений, а имеет объективную основу, коренящуюся в запечатленной в источнике исторической реальности. "Такое понимание объективности, – заключает Н.И. Смоленский, – проверяется и подтверждается как самим процессом научного исследования, так и общественной практикой, развитием истории". Историческая и историографическая практика открывает путь ко все более глубокому пониманию прошлого и является критерием истинности такого понимания с той, правда, существенной оговоркой, что "это развитие не имеет конца, как не может быть и конечных, неизменных истин"¹⁵.

Приведенный ход рассуждений демонстрирует читателям учебного пособия современное состояние осмысления проблемы объективности исторического познания и вместе с тем обозначает гражданскую позицию автора, пронизывающую его книгу. Неразрывно связанная с его научными взглядами, она показывает социальную составляющую методологии истории как научной и учебной дисциплины. Ее проблематика выходит на самые болевые точки современности.

Именно с таких позиций в книге рассматривается проблема историзма. Учет конкретной исторической ситуации при проведении любых общественных преобразований, подчеркивает Н. И. Смоленский, необходим так же, как и в научном исследовании. Это

¹⁴ Там же, с. 197.

¹⁵ Там же.

положение он иллюстрирует на примере экономических реформ в России в 1990-е годы. Причину их негативных последствий, приведших к расколу российского общества на богатое сверхменьшинство и обездоленное большинство и росту социальной несправедливости, автор усматривает в их несоответствии сложившейся тогда в стране исторической ситуации, в непонимании либеральными реформаторами исторического своеобразия России¹⁶.

В оценке либеральных реформ 1990-х годов Н.И. Смоленский, разумеется, не одинок, да он и не стремится к оригинальности, ссылаясь на высказывания разных авторов – от патриарха Алексия II и американского экономиста Дж. Сакса до российских бизнесменов. Важно другое. На страницах учебного пособия раскрывается взаимосвязь научно-исследовательского и социально-практического измерений принципа историзма. Целевая установка учебного пособия, собственно, в том и состоит, чтобы раскрыть не только научный, но и социальный потенциал современной методологии истории.

Но вернемся к методологии самого Н.И. Смоленского, погружающего, как уже говорилось, рассматриваемую в книге проблематику в историографический контекст. Остается только пожалеть, что в учебном пособии недостаточно внимания уделяется новейшим историко-методологическим исследованиям, вышедшим на Западе. Между тем, творчество таких корифеев, как, например, Н.З. Дэвис, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри, проливает новый свет на целый ряд обсуждаемых в книге проблем (проблема объективности исторического познания, вероятностный характер исторической истины, демографический детерминизм, язык историка и др.).

К автору можно предъявить и некоторые другие претензии. Его книга несомненно выиграла бы за счет специального рассмотрения одной из острых историко-методологических проблем – соотношения цивилизационного и формационного подходов в изучении истории. В современной отечественной исторической науке эти два подхода нередко противопоставляются как взаимоисключающие, причем в большинстве случаев пальма первенства отдается первому из них. Н.И. Смоленский так не считает. В целом его отношение к цивилизационному подходу критическое. Охарактеризовав взгляды его крупнейших представителей, он заключает: «Научная состоятельность представлений сторонников цивилизационного подхода, следовательно, не идет дальше обоснования многообразия индивидуальных особенностей изучаемых явлений. Этого недостаточно для понимания ни истории в целом, ни отдельных ее звеньев, процессов, каким бы понятием они не обозначались – "культурно-исторический тип", "культура" или "цивилизация"»¹⁷.

Цивилизационным теориям в книге противопоставляется "подход к истории как к единому целому и единству"¹⁸, акцентирующему периодизацию стадийности процесса исторического развития. В рамках этого подхода Н.И. Смоленский выделяет целый ряд научных направлений и школ, начиная с итальянских гуманистов и заканчивая "глобальной историей" Ф. Броделя. В их числе лишь бегло упоминается "марксистский вариант общеприимственной теории", чьим "содержательно-хронологическим звеном была формация"¹⁹. Никак не преуменьшая значения для своего времени перечисленных авторов других исторических теорий, подчеркнем все же, что именно взаимосвязь цивилизационного и формационного подходов находится на магистральном пути развития современной исторической науки. Именно с ней связаны многие ее достижения.

Примером такой взаимосвязи в историческом исследовании служит книга Ле Гоффа "Цивилизация средневекового Запада" (1964 г.). Как свидетельствует ее название, приоритетным для автора был цивилизационный подход. Главный предмет его исследования – ментальность средневекового западного человека, которая характеризуется как религиозная. Ле Гофф исследует мировидение средневековых европейцев, их представления о пространстве и времени, их ментальность, мир эмоций и формы поведения.

¹⁶ См. там же, с. 158.

¹⁷ Там же, с. 53–54.

¹⁸ Там же, с. 54.

¹⁹ Там же.

Но в этой концепции цивилизационный подход не упраздняет формационный, а как бы вбирает его в себя. В сложной полифонии звуков, переполняющих книгу, слышится голос К. Маркса, вернее его язык, который оказывается необходимым для описания экономических процессов и социальных структур, составляющих материальную оснастку цивилизации средневекового Запада, помогая понять напряженную духовную жизнь средневековых европейцев и их ментальность²⁰. Это – язык исторической методологии, ориентированной на исследование становления, функционирования и кризиса определенной, в данном случае феодальной, общественной формации.

Так обозначается путь к созданию глобальной истории, охватывающей все существенные аспекты исторической жизни человека и общества и базирующейся на органическом сочетании цивилизационного и формационного подходов, причем в зависимости от того или иного ракурса исследования приоритетным может быть любой из них. Думается, обращение к этой проблематике в учебном пособии могло бы повысить теоретико-методологический уровень подготовки студентов.

Не будем, однако, забывать о главном. Оценка каждого научного труда обусловлена прежде всего тем, что нового сумел сделать его автор по сравнению со своими предшественниками. Подчеркнем то, что Н.И. Смоленский рассматривает проблемы теории и методологии истории в историографической ретроспективе. Благодаря этому его читатели вместо того, чтобы усваивать некоторый набор готовых истин, включаются в процесс их постижения, получают возможность самостоятельного выбора той или иной точки зрения, что составляет неперемнное условие профессиональной подготовки будущих историков. Не менее важно и осознание будущими специалистами социальной ответственности истории и историка. На страницах учебного пособия эта тема не просто декларируется, как нередко бывает в подобного рода изданиях, а убедительно раскрывается, будучи вплетенной в ткань авторских суждений.

Здесь мы подходим к еще одной характерной черте книги Н.И. Смоленского. На уровне учебного пособия он поднимает актуальную для современной науки проблему междисциплинарного синтеза. Рассматривая категории, принципы и методы исторического познания, предмет истории и ее социальные функции, он опирается на большой корпус разных историографических источников. Наряду с названными выше, это данные многочисленных смежных гуманитарных и социальных наук, а также методы математической статистики, положения квантовой механики и т. д. Так, обращаясь к проблеме активности научного мышления, Н.И. Смоленский сопоставляет историю и квантовую механику. Обосновывая неустранимость влияния современности на историческое познание, в котором отчетливо прослеживается связь объективного и субъективного, вследствие того, что субъект (историк) является частью объекта, он указывает, "что такое соотношение субъекта и объекта напоминает ситуацию в квантовой механике, в которой взаимодействие между объектами и измерительными приборами составляет существенную часть явлений". Далее Н.И. Смоленский приводит авторитетное мнение одного из классиков современной физики Н. Бора о том, что такое взаимодействие делает невозможным говорить о поведении атомных объектов как о чем-то не зависящем от средств наблюдения, и продолжает: "С точки зрения физиков, слияние объекта и субъекта не происходит. Такого слияния нет и в историческом познании. Историк не является творцом объекта ни буквально, так как прошлое от него не зависит, ни в переносном смысле в качестве предмета исследования, так как он всегда является частью объекта"²¹. Тем самым мы получаем весомый аргумент в критике постмодернистского тезиса, отрицающего существование независимой от исследователя прошлой реальности.

Так может быть обозначен последний штрих в представляемом Н.И. Смоленским учебном пособии по теории и методологии истории, явившемся результатом многолетней научно-исследовательской и учебно-педагогической практики автора.

²⁰ См. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, гл. VII. Материальная жизнь (X–XIII вв.).

²¹ *Смоленский Н.И.* Указ. соч., с. 189.